

На почве общего «зуба» на Чу Цинюня Хэ Юэ и Сун Сюйян сошлись на удивление быстро. Теперь совместные романтические сцены давались им куда непринужденнее, и когда троица вновь принялась за репетицию, прогресс был налицо.

Однако зрителям в чате трансляции было не до тонкостей актерской игры: все их внимание поглотило обсуждение прошлого, о котором только что проговорила троица.

С тех пор как Чу Цинюнь и Чжоу Чи столкнулись на одном проекте, шумиха вокруг «настоящего и фальшивого наследников» не утихала ни на миг. Сеть полнилась самыми дикими слухами о деталях их семейной драмы. Зрители и не надеялись узнать хоть что-то о жизни Чу Цинюня до его возвращения в лоно семьи Чжоу. Кто же мог подумать, что он мало того что постоянно вспоминает приемную мать, так еще и сегодня без малейшего стеснения выложит столько шокирующих подробностей!

Нищета, бродяжничество, возраст, в котором он оказался в приюте, и даже то, как он в детстве отвоевывал внимание приемной матери!

И пускай часть этих тайн невольно разболтал Сун Сюйян, Чу Цинюнь, похоже, нисколько не стыдился своего прошлого.

Настоящему наследнику влиятельного клана, настрадавшемуся в нищете, следовало бы похоронить эти воспоминания и никогда о них не заикаться. Почему же Чу Цинюнь так очевидно дорожит той своей «мамой» — которая, судя по описанию, не имела ничего общего со светской львицей госпожой Чжоу? Он привязан к ней гораздо сильнее, чем к биологическим родителям. Да еще и это загадочное исчезновение... Нет ли здесь какого-то скрытого подтекста?

— Черт, я сейчас расплачусь. Даже от этих крох информации мурашки по коже. Он что, реально побирался на улице? Теперь понятно, почему он так привередлив в еде — это явно травма из детства.

— Не хочется скатываться в теории заговора, но исчезновение приемной матери... Само это слово звучит жутко подозрительно.

— Кстати, назрел вопрос: все мы знаем Чу как настоящего сына семьи Чжоу, но разве он хоть раз упомянул их с начала шоу?

— Готова поспорить, в семье Чжоу к нему относятся как к пустому месту! Может, он просто отказался менять фамилию из-за любви к приемной матери, вот они и взъелись?

— Помню, когда Чжоу Чи только дебютировал, все писали, будто Чжоу выгнали его ради родного сына. А на деле-то всё совсем иначе?

— Фаны Чу, закатайте губы. Всем известно, что Чичи в начале карьеры всего добивался сам! Родители любят его за чудесный характер. А если Чу сам по себе бука и не умеет ладить с людьми, кто ему виноват?

— У интернета что, память как у рыбки? Когда Чжоу Чи только начинал, он с ног до головы был увешан люксовыми брендами, и фанаты еще пищали от его «безупречного вкуса». Забыли? А Чу вернулся в семью Чжоу несколько лет назад, и посмотрите, во что он одет! Мои шмотки и то дороже.

— Ох, бедный котенок... Сяомао явно безумно любит маму. Как же она могла пропасть?

— Не слишком ли они давят на жалость? Чжоу неприлично богаты, с чего бы им держать родного сына в обносках? Наверняка он сам прибежидается на камеру.

— Сяомао всегда говорит то, что думает. Да, у него острый язык, но к друзьям он относится замечательно. Не верю, что он стал бы ненавидеть семью Чжоу и Чжоу Чи без веской причины!

— Да этот Чу просто неблагодарная тварь! Сам же признался, что в детстве был не подарком. Сперва манипулировал приемной матерью, теперь строит козни Чичи. Все эти байки он травит только ради того, чтобы очернить родителей!

— Сестрицы-Пруды, если вам так противен наш Котенок, валите к своему ненаглядному и там исходите ядом! Это трансляция Чу Цинюня!

Перепалка в комментариях привлекла толпы фанатов Чжоу Чи, а резкий скачок активности вывел трансляцию в тренды, собрав множество праздных зевак. Грязные тайны богатых семейств — тема, которая во все времена завлекала публику, тем более что половина зрителей изначально пришла на шоу ради интриги вокруг «настоящего и фальшивого наследников».

Очень быстро кто-то из дотошных пользователей раскопал в архивах региональной прессы новостную заметку тринадцатилетней давности.

[Полиция обезвредила банду «профессиональных нищих» и спасла четверых похищенных детей. Опубликованы снимки для поиска родителей]

В те годы журналисты еще не баловались кликбейтом ради дешевого трафика. Текст был сухим, емким и прямым, а под ним красовались четыре снимка — чтобы потерявшие детей родители могли опознать своих чад.

Внимательные читатели мгновенно узнали знакомые черты.

Двое ребятишек на фото были истощены до крайности: ввалившиеся щеки, заострившиеся скулы, на которых сияли неестественно огромные глаза. Один, с шапкой непослушных кудрей, растерянно и глуповато улыбался в камеру. Второй, примечательный поразительно бледной кожей — даже на серой газетной бумаге он казался намного светлее остальных, — стоял со следами свежих побоев на лице. Его губы тронула вежливая, послушная улыбка, но в красивом разрезе миндалевидных глаз сквозила леденящая душу настороженность.

[«У спасенных детей не оказалось имен — похитители заменяли их номерами, распределив по росту. Самый старший мальчик, "Лаода", скончался от тяжелой болезни. Остальных четверых ежедневно заставляли стоять на коленях на людных улицах и вымаливать милостыню. По сообщению полиции, младший из пленников, Сяо Лю (рис. 4), улучил момент, когда надзиратели отвлеклись, сбежал и обратился к дежурившему неподалеку инспектору ГАИ, благодаря чему и удалось накрыть притон. Спасенные дети рассказали, что Сяо Лю отличался строптивым нравом: он упорно не желал вставать на колени и жалостливо врать прохожим, за что "отец" нещадно и регулярно его избивал...»]

Сопоставив сухие строчки хроники с недавней беседой Чу Цинюня и Сун Сюйяна, пользователи без труда сообразили: под номером «Сяо Лю» скрывался сам Чу Цинюнь. Из всей четверки он казался самым смышленным, но, судя по сводкам, на его долю выпали самые страшные испытания.

Постоянные побои, вечный голод... Неудивительно, что он рос таким болезненно худым.

А ведь этот ребенок по праву рождения должен был купаться в роскоши и родительской любви! На фоне его подлинной трагедии все стенания Чжоу Чи о том, как его якобы «выставили за порог без гроша в кармане», выглядели дешевым и постыдным фарсом.

Поскольку имя Чжоу снова оказалось у всех на устах, сетевые сыщики быстро отыскивали материалы четырехлетней давности, посвященные возвращению блудного сына.

В то время семья Чжоу не пожалела денег на пиар, заполонив прессу бесчисленными фотографиями. Но теперь, внимательно изучая старые кадры, люди начали замечать тревожные нестыковки.

В статьях четырехлетней давности вскользь упоминалось, что приемная мать подростка пропала без вести. На официальных снимках у юноши были заплаканные, опухшие глаза, а на лице застыла угрюмая, волчья гримаса, что изрядно портило общее впечатление. Однако его физическое состояние тогда было куда лучше нынешнего. Под просторной черной футболкой угадывался здоровый, крепкий мышечный каркас — обычный привлекательный юноша, способный очаровать любую сверстницу. Сейчас же он выглядел пугающе истощенным. Камера, как известно, полнит человека на добрых пять килограммов, но даже через экран на его худые, лишённые здорового рельефа руки было больно смотреть: казалось, они могут переломиться от любого неосторожного движения.

Этот разительный контраст окончательно укрепил общественность в подозрениях.

Зачем семье Чжоу понадобилось устраивать столь масштабное шоу с возвращением наследника, если в итоге его задвинули на задворки собственной жизни? Из-за того, что парень остался верен вырастившей его женщине? Или виной всему его колючий, бескомпромиссный нрав?

Но зрители, следившие за реалити-шоу с первого выпуска, прекрасно знали: Чу Цинюнь просто презирал фальшь и светские условности. Он вовсе не был нелюдимым грубияном. Напротив, он терпеливо опекал своих партнеров по сцене и никогда не жалел для них профессиональных советов. Даже Чэнь Сяоди, некогда вставлявший ему палки в колеса, заметно вырос под его руководством. Не мог такой человек настроить против себя родителей исключительно из вредности.

Напрашивался единственный вывод: семья Чжоу изначально не собиралась принимать Чу Цинюня. А пафосные заголовки четырехлетней давности были лишь циничной пиар-кампанией для отмыывания корпоративного имиджа.

Не успели утихнуть страсти по поводу Чжоу Чи, беспардонно отобравшего роль у соперника, как все семейство Чжоу накрыло новой, куда более мощной волной народного гнева. Официальные ресурсы Клана Чжоу, личные блоги родителей и его «старшего брата» Чжоу Хана ломились от тысяч едких вопросов. Пользователи с упоением вытаскивали на свет старые грехи компании, и эта сетевая буря даже спровоцировала легкое колебание котировок акций Клана Чжоу на фондовом рынке.

— Еще когда они трубили о его возвращении на каждом углу, мне это казалось странным. Сам «счастливый наследник» на фото выглядел чернее тучи. Тогда всякие умники в комментариях писали, что у парня просто «провинциальные комплексы», а теперь ясно: пацан буквально рыдал по своей пропавшей матери! Начать пилить интервью прямо в разгар его личной трагедии — это верх цинизма.

— Точно! Помню статьи в духе: «Семья Чжоу великодушно приняла неотесанного дикаря из трущоб».

— Наконец-то до меня дошло, почему у меня раньше было предвзятое отношение к Котенку. Нас же просто пичкали этими проплаченными статьями!

— Да за что вообще так ненавидеть родного ребенка? Только потому, что он рос не у них на глазах?

— Кто-нибудь еще сомневается в гнилой сути Клана Чжоу? У них в жилых комплексах площадь общего пользования отжирает сорок процентов, половина строек заморожена. С характером Чу Цинюня там просто невозможно ужиться!

— Клоуном здесь оказался я сам... Два года фанател по Чжоу Чи, а сегодня зашел в тренды и узнал, что Вторая очередь Сяньхэ, которую у меня под окнами три года не могут достроить, принадлежит этой гребаной конторке.

— Очередной набег хейтеров. Жалоба отправлена. Семья Чжоу инвестирует во множество отраслей, а у некоторых кругозор ограничен только недвижимостью. Дома у них, видите ли, заморожены, так вам и надо!

— У Чжоу уже есть идеальный преемник. Неудивительно, что они не питают нежных чувств к парню, который вырос черт знает где.

— Мне как матери этого не понять. Если бы мой ребенок скитался и страдал столько лет, я бы всю оставшуюся жизнь на руках его носила, пытаюсь искупить его боль!

— Родная кровь гниет в нищете, пока чужой ребенок греется в лучах славы и жрет из золотой ложки. Представлю себя на месте Чу Цинюня — меня бы разорвало от злости! Да он святой, раз просто игнорирует Чжоу Чи!

— Что еще за чертовщина творится в трендах?!

В кабинете на верхнем этаже штаб-квартиры Клана Чжоу Чжоу Лицзинь в ярости рывкнул в трубку, едва супруга ответила на звонок.

— Почему все кругом трубят, будто мы издеваемся над Чу Цинюнем? Что этот твой выродец наговорил в эфире?!

— Ты про кого? Про Чу Цинюня?

Госпожа Чжоу, расслаблявшаяся в кресле парикмахера, от неожиданного окрика едва не подпрыгнула. Надув губы, она обиженно пробормотала:

— И чего ты на меня срываешься? Я даже на его женитьбу повлиять не смогла, как я, по-твоему, должна контролировать его болтовню на шоу?

В этот момент помощник торопливо протянул боссу планшет с нужным видеофрагментом. Чжоу Лицзинь быстро просмотрел беседу Чу Цинюня с Сун Суйяном и понял, что сын ни разу не упомянул семью Чжоу. Бурю подняли сами пользователи сети, сопоставив факты и направив гнев на корпорацию. Ярость главы семейства немного утихла.

Все же он не был круглым чудовищем. Мельком подумав о том, через какой ад пришлось пройти его родному сыну, Чжоу Лицзинь невольно сбавил тон:

— Я ведь просил тебя поговорить с ним по-человечески. Мальчишка на глазах у миллионов постоянно твердит о своей приемной матери, вот люди и решили, что мы над ним издеваемся.

Параллельно он сделал знак секретарю связаться с пиарщиками и немедленно зачистить поисковые тренды.

— По поводу того займа еще есть шанс договориться. Если сумеешь убедить его не пороть горячку и пойти на мировую, Чжоу Хану станет куда легче дышать.

— Да он просто неблагодарный волк, сколько его ни корми! — Госпожа Чжоу до сих пор кипела от злости после недавней стычки в больничной палате. — Паршивец вообразил, будто этот династический брак — смертный приговор. Хочешь уговаривать его — валяй сам. К чему он постоянно вспоминает эту свою «мамашу»? Только ради того, чтобы досадить мне! Да и база у них закрытая, как я с ним свяжусь, по-твоему?

— Да неужели так трудно отнестись к нему хоть немного мягче?! Какая нам польза от того, что он видит в нас врагов?

— А ты ему не отец? С какой стати крайняя опять я?

Супруги расстались на весьма минорной ноте. С раздражением швырнув трубку, Чжоу Лицзинь подозвал подчиненного:

— Сколько еще продлится этот чертов проект?

— Около полумесяца, директор Чжоу.

— Как только проект завершится, сразу доставь его ко мне. Мальчишка совсем от рук отбился.

Раздраженно потеряв переносицу, Чжоу Лицзинь вздохнул:

— Домой сегодня не поеду. Вели подавать машину, отправлюсь в усадьбу в Сяньхэ.

Тем временем Си Тун, вальяжно устроившись в своем кабинете, задумчиво вертел в руках смартфон. Наблюдая, как скандальные хэштеги с поразительной скоростью исчезают из топа, он решил не форсировать события и придержать оплаченную армию ботов.

Для начала хватало и этого: в сознании миллионов зрителей уже закрепился отчетливый образ жертвы, несправедливо обиженной жестокими родственниками. Си Тун просто хотел, чтобы люди посмотрели на Чу Цинюня его глазами — полюбили сильнее, прониклись искренним сочувствием к его израненной душе. А что до мести... Раз уж сам Цинюнь пока не спешил сжигать мосты, Си Туну не следовало бежать впереди паровоза.

Стоило ему вспомнить, как совсем недавно в уборной его «хозяин» одарил его тем самым леденящим, гипнотическим взглядом, как сердце Си Туна пускалось вскачь.

Гнев Чу Цинюня обладал каким-то порочным, завораживающим очарованием...

Но если он совершит еще одну глупость, то навсегда лишится крупниц доверия. Приходилось примерить маску паиньки.

На дисплее все еще светила та самая газетная вырезка, которую он разбыл с колоссальным трудом. Си Тун долго всматривался в пожелтевшую страницу, а затем аккуратно увеличил четвертый снимок — изображение невероятно красивого, не по-детски серьезного ребенка — и сделал скриншот.

— Си Тун.

Голос Чу Цинюня заставил его вздрогнуть.

Спешно сунув мобильный в карман, Си Тун вытянулся в струнку перед боссом:

— Да, шеф?

Чу Цинюнь бросил короткий взгляд в угол, где сиротливо жались пустые пластиковые бутылки:

— Вода закончилась.

— Сию минуту принесу!

Встрепенувшись, Си Тун с готовностью первоклассника сорвался с места и умчался за водой.

— Ну и энтузиазм у твоего ассистента, — тяжело дыша после очередной сложнейшей связки движений, прохрипел Сун Сюйян. Он чувствовал себя выжатым как лимон и с невольным восхищением посмотрел вслед Си Туноу. — Он что, твой персональный фанат?

Чу Цинюнь, вспомнив выдуманную Си Туном легенду о бездомном бродяге, едва заметно усмехнулся:

— Вовсе нет. Он... просто до безумия любит работать.

«Надо же, в этом мире действительно водятся психи, обожающие вкалывать!»

Сун Сюйян на секунду онемел от изумления, но тут же вспомнил, что сам Чу Цинюнь — точно такой же сумасшедший перфекционист, готовый репетировать сутками напролет. Смерив товарища ревнивым взглядом, он проворчал:

— Ишь ты. А я-то думал, ты у нас безнадежный затворник с признаками социопатии. Оказывается, заводить друзей ты все-таки умеешь.

Вероятно, «переселенец в книгу» просто панически боялся раскрыть свою истинную сущность.

Чу Цинюнь сохранял абсолютное хладнокровие. Его знания о событиях последних четырех лет ограничивались рассказами Си Туна, так что в разговорах о былом он руководствовался простым правилом: меньше слов — меньше ошибок. Посвящать Сун Сюйяна в детали он не собирался, а потому лишь небрежно бросил:

— Он другой.

По крайней мере, сейчас этот парень оставался для него искусственным интеллектом — преданной Системой, созданной для его блага.

Чу Цинюнь говорил совершенно искренне, даже не подозревая, насколько интимно и двусмысленно прозвучала эта фраза со стороны.

Сун Сюйян опешил и подозрительно прищурился:

— Это еще почему?

Как раз в этот момент Си Тун, закинув на плечо увесистую упаковку минералки, ураганом влетел в зал. Должно быть, он уловил окончание разговора, потому что его лицо так и полыхнуло счастливым румянцем. Спohватившись, что выглядит излишне взбудораженным, он шумно прокашлялся, выхватил из коробки бутылку и вызывающе лихим жестом откупорил ее. Аккуратно водрузив воду прямо перед Чу Цинюнем, он с трудом подавил восторженный вздох и на цыпочках отошел в сторону.

Выглядело это невероятно нелепо.

Сун Сюйян помнил, что у Чу Цинюня с ранних лет была стойкая аллергия на дураков. Наблюдая за этим цирком, он озадаченно почесал затылок:

— Он тебе что, жизнь спас?

Чу Цинюнь обреченно прижал ладонь к лицу, стараясь не смотреть на сияющего помощника:

— Да. Считаю, что так.

Репетиции перед третьим отчетным концертом перевалили за экватор, когда организаторы шоу, верные своему незыблемому правилу — держать участников в постоянном стрессе, — преподнесли очередной сюрприз.

— Как вы все знаете, со следующего выступления отсева не будет. Мы переходим к этапу рейтинговых игр, — провозгласил главный режиссер через громкоговоритель. — И чтобы подстегнуть ваш азарт, качество вашей жизни на проекте теперь будет напрямую зависеть от набранных баллов.

По его знаку ассистенты активировали гигантскую плазменную панель в главном репетиционном зале, где также размещалась общая гримерная зона. Рассевшись перед зеркалами, конкурсанты уставились на экран. На нем горели два столбца с именами.

Они полностью дублировали друг друга, но слева, в синем секторе, напротив фамилий тянулись ряды цифр, а справа, в красном, у всех без исключения сияли нули.

— Синие показатели — это ваши очки быта, — пояснил режиссер. — Стартовый минимум — сто очков, к которым добавляются бонусы за ваши места в рейтинге прошлых туров. Справа же будут отображаться баллы за будущие выступления. Эти системы абсолютно независимы друг от друга.

— Господин режиссер, и на что сдались эти очки быта? — поинтересовался кто-то из ребят.

Вместо ответа режиссер лишь хитро прищурился и скомандовал рабочим внести массивный демонстрационный стенд.

На полках выстроились одинаковые глухие боксы, на каждом из которых были выведены цифры стоимости: от скромных пары баллов до внушительных пятисот.

— По сути, очки быта — это праздничный бонус от нашего проекта, — радушно объявил режиссер. — Мы понимаем, как тяжело вам безвылазно сидеть в четырех стенах, а потому приготовили массу приятных мелочей и полезных девайсов. Любой лот можно обменять на очки. Кое-что скрасит ваш досуг, а некоторые вещи станут незаменимым подспорьем на сцене. Например, мобильный телесуфлер.

При слове «суфлер» зал мгновенно притих.

Конечно, за неделю жесткой муштры каждый заучивал роль до автоматизма, но железными нервами обладали единицы. Под софитами у любого мог заплетаться язык или вовсе случиться

провал в памяти, так что возможность подглядеть в подсказку во время живого эфира была бесценна.

Очевидно, именно этот спасательный круг и стоил максимальные пятьсот баллов.

Чу Цинюнь принялся изучать синие показатели.

Помимо гарантированной сотни, остальные очки рассчитывались по итогам прошлых этапов: чистая победа приносила еще сто баллов, а если в команде происходил отсев — лишь пятьдесят. Соответственно, лидеры прошлых двух раундов имели на счету по триста очков. Те же, кто пробился через утешительный финал, равно как и участники, потерявшие партнеров, имели по двести пятьдесят.

Бывшая команда Чу Цинюня уверенно лидировала с максимальным счетом. Чжоу Чи же со своей группой поддержки застрял на отметке в двести пятьдесят.

Все выглядело предельно справедливо, однако у Чу Цинюня возникло смутное подозрение, что весь этот аттракцион щедрости затеяли исключительно ради спасения репутации Чжоу Чи.

Опустив фаворита в более бедную категорию, режиссеры изящно разыгрывали карту жертвы: фанаты могли всласть пожалеть своего обиженного любимца, а у хейтеров пропадал главный козырь о подкупе судей и предвзятости шоу.

Кто-то списал бы это на банальную паранойю, но чутье подсказывало Чу Цинюню: здесь любое совпадение имеет двойное дно.

В конце концов, он находился внутри художественного романа, а в хорошей литературе не бывает лишних деталей и пустых совпадений.

Пожалуй, он еще ребенком смутно догадывался об этом и никогда не верил в слепую судьбу.

Бесконечные несчастья, валившиеся на его голову одно за другим, слишком уж походили на классическую сюжетную завязку популярной книжки, где протагониста долго и изощренно мучают, прежде чем преподнести ему заслуженный триумф. Вот только Чу Цинюнь не собирался безропотно сносить удары судьбы ради чужого развлечения.

Потому и все свои победы он выгрызал зубами, тщательно планируя каждый ход. Так он когда-то добился усыновления, так завоевывал симпатию строгих судей и конкурентов, так выверял свои действия перед объективом, заставляя зрителей неосознанно улыбаться.

И лишь Си Тун выбивался из этой схемы. Он не вписывался в законы этого мира, напрочь ломал всякую логику, возник из ниоткуда и почему-то безоговорочно встал на его сторону.

Непостижимо и чертовски опасно.

Чу Цинюнь вскинул голову и встретился взглядом с Чжоу Чи. На лице соперника сияла безмятежная, благожелательная улыбка — от паники и бессильной злобы, которые тот демонстрировал при распределении ролей, не осталось и следа.

Чу Цинюнь равнодушно отвернулся, ничуть не удивленный этой метаморфозой.

Учитывая колоссальный отрыв Чжоу Чи по голосам и явное покровительство продюсеров, глупо было ожидать, что тот не попытается отыгаться.

Но сомнение — штука упрямая. Раз зародившись в умах, оно пускает глубокие корни, которые невозможно выкорчевать. Пускай фанаты Чжоу Чи сколько угодно кричат о фальсификации доказательств и фотошопе, у рядовых зрителей осадочек остался. И любые попытки оправдаться лишь подливали масла в огонь сетевой войны, заставляя нейтральных наблюдателей все сильнее сомневаться в честности фаворита.

Сейчас требовалось лишь изредка подкидывать дровишек в этот разгорающийся костер. Спешить некуда.

— Хозяин, — Си Тун ловким движением щелкнул тумблером на его петличке и, придвинувшись ближе, заговорщицки зашептал: — Запустить волну комментариев против его обеления? Устроить ему сладкую жизнь в сети?

«Надо же, мыслит в одном направлении со мной».

Чу Цинюнь едва заметно приподнял бровь и коротко качнул головой:

— Не суетись.

Как раз в ту секунду, когда Си Тун вернул микрофон в рабочий режим, к ним подошли Сун Сюйян и Хэ Юэ.

— Слышь, — тихо окликнул Сун Сюйян, косясь на стенд. — Может, скинемся на этот телесуфлер? На троих очков с лихвой хватит.

Стоявшая чуть позади Хэ Юэ принялась отчаянно мотать головой, безмолвно умоляя Чу Цинюня не соглашаться на эту авантюру.

Чу Цинюнь окинул коллегу ленивым взглядом:

— И в ключевой сцене ты куда будешь смотреть? На бегущие строчки или в лицо Маршалу?

— Ну да, — Сун Сюйян, в общем-то ожидавший подобной отповеди, неловко поскреб затылок.
— Ладно, забей. Я и так сценарий наизусть помню.

Режиссер между тем вещал дальше:

— Самим артистам вход в зону обмена заказан. Все операции совершают исключительно ваши ассистенты. Лавка открывается раз в сутки, а ассортимент товаров будет обновляться ежедневно.

Иными словами, выбор покупок полностью ложился на плечи помощников!

На этот раз несказанно обрадовались те участники, у которых роль ассистентов исполняли близкие друзья или родственники. Уж они-то понимали пристрастия своих подопечных куда лучше казенных наемников из агентств.

Стоявший неподалеку помощник Чжоу Чи, Сяо Ван, довольно ухмыльнулся. Он был единственным среди присутствующих ассистентов, кто заранее знал расклад лотов. На экране это будет выглядеть потрясающе: заботливый помощник с полувзгляда угадывает желания своего кумира! Глядишь, фанаты еще и новую сладкую парочку выдумают...

Сделав серьезное лицо, он пафосно произнес:

— Сяо Чи, не переживай. Я добуду для тебя самое лучшее.

Чжоу Чи расплылся в своей фирменной лучезарной улыбке:

— Спасибо, брат Ван! Я в тебе ни капли не сомневаюсь!

Си Тун тоже поспешил заявить о преданности:

— Босс, только намекни, какая категория тебе ближе. Обещаю, больше никакой отсебятины!

— Мне все равно, — безучастно отозвался Чу Цинюнь. Красный столбец с будущими игровыми очками интересовал его несравнимо больше очков быта. Своей небрежной щедростью он сейчас напоминал богатого покровителя, швыряющего безлимитную карту на стол: — Распоряжайся баллами по своему усмотрению.

— Понял, — Си Тун тихонько вздохнул, сокрушаясь, что лишился шанса блеснуть исполнительностью перед «хозяином». — Тогда я добуду то, что тебе точно придется по вкусу.

Хэ Юэ, усердно инструктировавшая свою кузину-ассистентку, невольно подслушала их диалог и прыснула со смеху:

— Звучит безумно надежно, ничего не скажешь! Вы бы хоть для приличия обсудили, что вам нужно.

— Нет необходимости, — лаконично обронил Чу Цинюнь.

Для безупречного выступления ему требовался лишь он сам. Всяческие гаджеты и шпаргалки только мешали бы процессу.

Си Тун согласно кивнул:

— Совершенно ни к чему.

Он искренне полагал, что на всем белом свете нет существа, которое знало бы предпочтения Чу Цинюня лучше него.

На фоне остальных команд, устроивших бурные военные советы, эта парочка демонстрировала абсолютное безразличие, что не укрылось от объективов камер.

— Нашему Котенку вообще плевать на всё, кроме сцены. Но этот его ассистент выглядит таким простачком, он точно справится?

— А вдруг там будет еда?! Чу Цинюнь, вспомни, какой ты привереда, и хотя бы намекни ему, чего брать точно нельзя!

— А-ха-ха, Чу Цинюнь ведет себя как типичный богатый наследник, небрежно бросающий своей «молодой жене»: «Трать сколько влезет!»

— Помощник так преданно заглядывает Котенку в глаза, чистый фанбой! Обожаю эту парочку!

— Фанаты сожителей рыдают в углу. Интерактива так мало... Когда уже Шао Жань и Котенок снова выступят вместе?

— А здесь есть те, кто шипперит Чу Цинюня и Хэ Юэ? Маршал и Юэжу — каноничная пара шоу!

— Откуда взялось столько любителей слэша? Идите в свои резервации и там развлекайтесь, можно без этого в общем чате?

— Нет, с соседом по комнате химия куда круче! Вы видели, каким глубоким взглядом Котенок смотрит на Шао Жаня? Хотя ассистент и пожирает Чу глазами, взаимная искра у него именно с Шао Жанем!

— Очнитесь, у Чу Цинюня разрез глаз такой — он на любую швабру посмотрит так, будто готов признаться в любви.

Раскрутка фальшивых парочек с последующим стравливанием фандомов ради сплочения преданной аудитории еще четыре года назад была излюбленным приемом пиарщиков. Этот метод безотказно работал и по сей день: миллионы зрителей, очарованные экранной химией между артистами в дорамах или шоу, мгновенно становились их ярыми фанатами.

Чу Цинюнь, прославивший в первых выпусках самым нелюдимым и колючим участником, со временем ухитрился наладить теплые отношения со многими ребятами. В результате его умудрялись сватать буквально к каждому встречному.

Шао Жань, как его сосед по комнате, неизменно придерживался «непринужденной» манеры общения и демонстрировал поразительное «случайное» взаимопонимание. В сети сформировалась мощная фракция фанатов, искренне веривших, что именно добродушный Шао Жань стал тем самым «ангелом-хранителем», сумевшим подобрать ключик к закрытому сердцу юноши.

Чэнь Сяоди и Тан Цзиньи частенько застывали, замороженно наблюдая за ним украдкой. Даже вечные недоброжелатели вроде Бай Вэя и Ху Имина больше не кривились при его появлении. Теперь они смотрели на Чу Цинюня со сложной гаммой чувств, словно отчаянно хотели заговорить, но не решались подойти.

Разумеется, хватало и тех, кто сходил с ума по тандему Чу Цинюня и Си Туна. И пусть артист демонстрировал показное равнодушие, его безграничное доверие к ассистенту было очевидно каждому. А уж сам Си Тун, увивавшийся вокруг хозяина с преданным видом влюбленного щенка, так и напрашивался на двусмысленные намеки.

За время трансляции полузаброшенный профиль Чу Цинюня в соцсетях без всякого продвижения разросся на несколько миллионов подписчиков, львиную долю которых составляли как раз любители выискивать скрытую романтику.

Си Тун, тайком уткнувшись в экран смартфона, тихонько млел от удовольствия, читая посты, где его связывали с Чу Цинюнем. С трудом подавив эгоистичный восторг, он скрепя сердце связался со своими сетевыми ботами и приказал искусственно раздувать тему его отношений с Шао Жанем.

У Шао Жаня имелась прочная база преданных фанатов, да и самый вирусный номер Чу

Цинюня был сыгран именно с ним. Чем сильнее бушевали страсти вокруг этой парочки, тем больше выгоды получал его подопечный. Любые другие сомнительные союзы лишь дробили фандом и снижали активность аудитории.

«Да если бы не холодный расчет, Чу Цинюнь близко бы не подошел к этому лицемерному святоше!» — ревниво думал Си Тун, прекрасно осознавая истинные мотивы Шао Жаня.

Раздав указания, Си Тун убрал гаджет в карман и принялся тихонько дуться на весь белый свет. Он с самого начала раскусил обоюдный расчет обоих артистов. И пускай его откровенно воротило от топорных попыток Шао Жаня подыгрывать Чу Цинюню, он собственноручно регистрировал для них новые фан-группы в сети.

«Вот бы на месте этого приспособленца оказался я...»

Его сладкие грезы грубо прервал толчок в плечо.

— Эй, началось, — негромко произнес парень рядом.

Это был ассистент Сун Сюйяна — навязанный агентством сотрудник, с которым у актера пока не сложилось доверительного контакта. Заметив непоколебимую уверенность Си Туна, тот решил держаться поближе в надежде списать чужие решения.

— Спасибо за подсказку, — бросил Си Тун. Без своего хозяина он вел себя вполне солидно и собранно. Вместе с остальной толпой он шагнул в закрытую зону обмена.

Ассистенты принялись судорожно перебирать коробки на стеллажах. Вскоре первые счастливицы начали вытягивать из них свернутые записки. Только теперь присутствующие осознали: внутри боксов лежали не сами лоты, а лишь бумажные купоны с их описанием. Издали понять, что скрывается в той или иной коробке, было совершенно невозможно.

Оставшиеся в зале участники не на шутку занервничали. Каждый молился о том, чтобы его помощник вытащил спасительный телесуфлер или иной полезный инвентарь, и одновременно боялся, что соперники окажутся расторопнее.

Сделав выбор, ассистенты скрывались за боковой дверью, где им выдавали реальные лоты. Вскоре в зал торжественно вошел Сяо Ван в сопровождении двоих коллег по команде. В его пальцах красовался ламинированный бланк.

— Это купон на замену очередности выступлений, — гордо объявил Сяо Ван, вручая трофей Чжоу Чи. — Обошелся в триста очков. Мы скинулись всей тройкой по сотне.

Возможность изменить порядок выхода на сцену!

Присутствующие завистливо зашептались. Порой именно от очередности зависело восприятие зрителей, так что этот лот утирал нос любому телесуфлеру.

Под восторженные возгласы напарников Чжоу Чи просиял:

— Брат Ван, ну ты даешь! Огромное спасибо!

Вскоре появился и ассистент Шао Жаня с плюшевым медведем в руках.

Эти двое сотрудничали много лет и в реальной жизни общались как закадычные друзья, не упускающие случая подколоть друг друга. Помощник с ухмылкой протянул игрушку:

— Будет кого обнимать по ночам.

— Премного благодарен, — съязвил в ответ актер.

Ассистенты возвращались один за другим. Кузина Хэ Юэ раздобыла для нее шикарный мужской парик от известного стилиста, идеально подходящий для ее образа. Помощник Сун Сюйяна притащил портативный массажер для шеи всего за тридцать баллов, дававший право на пять минут пробного использования.

— Похоже, только ассистент Чу Цинюня задерживается, — пробормотал Сун Сюйян. Массажер его совершенно не интересовал, и он тут же допросил своего сотрудника: — Ты видел, что он там выудил?

Тот соорудил крайне озадаченную мину и покачал головой.

— Не разглядел? — не унимался артист.

— Да нет... просто это трудно описать словами.

К моменту, когда некоторые счастливики уже успели израсходовать свои пять минут массажа, из боковой двери наконец вальяжно выплыл Си Тун. В руках он бережно нес обычный термос.

Поскольку он завершал этот парад покупок, на него уставился весь зал.

— Термос? Seriously?

И ради этого копеечного предмета стоило копаться так долго?

Си Тун с победоносным видом шагнул к Чу Цинюню и протянул ему покупку:

— Шеф, списал ровно сто баллов!

— Целую сотню?!

Ассистенты, которые тряслись над каждой крохой и осмеливались брать разве что дешевые снеки, так и застыли с открытыми ртами. Кузина Хэ Юэ выторговала роскошный парик от кутюр за ту же сотню, а этот чудака спустил целое состояние на копеечную посуду!

— Да там не нашлось ничего путного, — невозмутимо пожал плечами Си Тун. — Так что я взял сахарный тростник.

Чу Цинюнь озадаченно приподнял бровь:

— Тростник?

Чат трансляции мгновенно вскипел от возмущения.

— Этот горе-ассистент вообще головой думает?! Наш Котенок на дух не переносит кучу продуктов, а тот тащит ему еду, да еще и за сто очков! Пока нормальные люди брали полезные девайсы, этот спустил кучу баллов в трубу. Нельзя было давать ему волю!

— Именно, — невозмутимо закивал Си Тун. — Я заметил в каталоге пятиминутную аренду соковыжималки и решил побаловать тебя свежим соком. Пришлось взять еще и тесак, чтобы разделать стебли, термос для сохранения прохлады и лоток колотого льда — половину я сразу засыпал внутрь.

Выходит, он потратил сотню не на термос. Он выкупил целую производственную цепочку ради одного-единственного стакана ледяного фреша!

Тростник можно было просто пожевать, к чему эти сложные манипуляции? И зачем сдался термос, если на базе стаканов хоть пруд пруди?

Впрочем, на фоне чипсов и шоколадок, принесенных другими ассистентами, этот изысканный ледяной напиток выглядел верхом заботы о здоровье.

Ребята покатывались со смеху, мысленно оплакивая бездарно слитый бюджет команды Чу Цинюня. Лишь Сун Сюйян как-то неестественно нахмурился, буравя Си Туна подозрительным взглядом.

Чу Цинюнь взял термос. Убедившись, что содержимое выглядит безупречно чистым, он сделал осторожный глоток. На мгновение замер.

Затем вскинул глаза на Си Туна и сделал еще один, куда более глубокий глоток.

— Весьма недурно.

Плольно закрутив крышку, Чу Цинюнь протянул сосуд обратно:

— Подержи у себя. Допью позже.

Хэ Юэ онемела от шока. Ей доводилось трапезничать с Чу Цинюнем, и она воочию видела его капризы: он ковырялся в тарелке как барышня, а марку питьевой воды выбирал так, словно оценивал коллекционное вино. И этот человек сейчас пил сок с явным удовольствием, да еще и решил оставить на потом! Не иначе как мир перевернулся.

— Слушаюсь, — Си Тун заискивающе придвинулся ближе, так и светясь от предвкушения. — Ну как я справился?

Чу Цинюнь ответил не сразу, но в глубине его взгляда на миг вспыхнуло неподдельное удовольствие. Последний раз его видели в столь благодушном настроении, когда сам режиссер Цзян рассыпался в комплиментах после первого отчетного концерта.

Оценив преданную мину ассистента, Чу Цинюнь сжалился и снисходительно обронил:

— Ладно. Твоя пригодность подтверждена.

Любимый вкус, идеальная консистенция фрэша, правильная пропорция льда и, самое главное, абсолютное понимание его привычки растягивать удовольствие.

Чу Цинюнь прекрасно осознавал свои пищевые странности, а потому обычно готовил этот напиток сам, когда выдавалась свободная минутка, не посвящая в это даже приемную мать.

Знать подобные интимные нюансы мог только тот, кто обладал истинным «божественным взором» на его жизнь.

Разумеется, все присутствующие решили, что Чу Цинюнь просто одобрил Си Туна в качестве постоянного ассистента, и удивленно переглянулись.

Угодить главному привереде проекта в еде — это граничило с чудом! Должно быть, этих двоих связывала многолетняя, проверенная временем дружба.

Си Тун, впрочем, изумился едва ли не больше остальных:

— Надо же... Столько времени прошло, и только сейчас заслужил признание?

Чу Цинюнь предостерегающе прищурился:

— Тебя что-то не устраивает?

— Нет-нет, ни в коем случае, — Си Тун поспешно прижал термос к груди, решив оставить лишние вопросы при себе. Он виновато улыбнулся: — Даже не думал жаловаться.

Чу Цинюнь удовлетворенно кивнул и повернулся к напарникам по сцене:

— Возвращаемся к работе. На репетицию.

<http://bllate.org/book/20480/2186010>